

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2019-2-6-15

Евгений Ростиславович ВОРОНИН

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

tverv@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-1229-0012

Поступила в редакцию: 08.04.2019

Принята к публикации: 12.06.2019

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ШКОЛА Ф.Ф. МАРТЕНСА И МИРОВОЙ ПРАВОПОРЯДОК XXI ВЕКА (К 120-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ ГААГСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)

ВВЕДЕНИЕ. В настоящей работе исследуются проблемы современного состояния международного правопорядка в контексте приверженности международно-правовым принципам, заложенным Первой Гаагской мирной конференцией. Статья содержит анализ современных международно-правовых подходов России и США к основным проблемам международных отношений и мирового правопорядка XXI в.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалы включают анализ текстов конвенций Первой Гаагской мирной конференции, теоретических и практических выводов международно-правовой школы Ф.Ф. Мартенса, а также научных, политических и правовых публикаций об американской внешней политике. Использован сравнительный подход при рассмотрении российской и американской международно-правовых доктрин и дипломатической практики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Итогом рассмотрения поставленных проблем утверждения правовых принципов и норм в контексте современной внешней политики России и трансатлантического Запада являются выводы об отходе новейшей политической доктрины За-

пада от международно-правовых основ, заложенных наукой и практикой международного права, а также его классической теорией, сформировавшейся в XX в.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Представляется, что выход из сложившегося кризиса в современной системе международных отношений возможно найти, опираясь на предложения Ф.Ф. Мартенса, высказанные более ста лет назад, но не утратившие актуальности и сегодня. Речь в первую очередь идет о приверженности принципу верховенства международного права как единственно верном способе обеспечения порядка и стабильности в международных отношениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное право, мировой правопорядок XXI в., международно-правовая школа Ф.Ф. Мартенса, проблема верховенства права в контексте реализации внешнеполитических доктрин Запада, США и России

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Воронин Е.Р. 2019. Международно-правовая школа Ф.Ф. Мартенса и мировой правопорядок XXI века (к 120-ле-

тию Первой Гаагской мирной конференции). – № 2. С. 6–15.

Московский журнал международного права.

DOI: 10.24833/0869-0049-2019-2-6-15

HISTORY OF INTERNATIONAL LAW

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2019-2-6-15

Evgeny R. VORONIN

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

tverv@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-1229-0012

Received 8 April 2019
Accepted 14 June 2019

INTERNATIONAL LAW SCHOOL OF F.F. MARTENS AND WORLD LEGAL ORDER OF THE 21ST CENTURY (IN COMMEMORATION OF 120 YEARS OF THE FIRST HAGUE CONFERENCE OF PEACE)

INTRODUCTION. *The article focuses on the problem of modern status of international legal order in the context of adherence to the international legal principles, established by the First Hague Conference. The article includes the analysis of contemporary international legal approaches of Russia and the USA to the main issues of international relations and world legal order of XXI century.*

MATERIALS AND METHODS. *The materials include the analysis of the texts of the conventions of the First Hague Conference of Peace and theoretical and practical conclusions of International Law School of F.F. Martens, and scientific, political and legal publications of the US foreign policy. The article uses a benchmarking approach of Russian and US international legal doctrines and diplomatic practice.*

RESEARCH RESULTS. *As a conclusion of research of the posed questions of consolidation of legal principles and norms in the context of contemporary foreign policy of Russia and transatlantic Western countries it is suggested that the modern Western political doc-*

trines deviate from the International legal basis, defined by science and practice of international law, and from its classic doctrines formed in the XX century.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *It seems that the current crisis in the modern system of international relations can be overcome on the basis of the proposals considered by F.F. Martens more than a hundred years ago, but not lost their relevance today. First of all, it is about adherence to the principle of the supremacy of international law as the only true way to ensure order and stability in international relations.*

KEYWORDS: *international law, world legal order of the XXI century, International Law School of F.F. Martens, rule of law issue in context of realization of foreign policies doctrines of Western countries, the USA and Russia*

FOR CITATION: Voronin E.R. International Law School of F.F. Martens and World Legal Order of the

21st Century (in commemoration of 120 years of the First Hague Conference of Peace). – *Moscow Journal*

of International Law. 2019. No. 2. P. 6–15.
DOI: 10.24833/0869-0049-2019-2-6-15

Подступим же с миром: скроем гнев,
Отсроченный смиреньем мнимым! –
Враг ли тот, кто въявь вредит?
Кто не таится, тот ли прячет ненависть?
Любовь изъявим, – тот, кто алчет, лгать себе готов.
Надежда низкая – стоворчива...

Гуго Гроций. *Адам изгнанный*¹

Правовое учение и дипломатическая практика Ф.Ф. Мартенса, получившие отражение в конвенциях Первой (1899 г.) и Второй (1907 г.) гаагских мирных конференций, утвердили среди участников международных отношений понимание, что нормативное содержание договорно-правовых документов (*communis scriptura*), заключаемых цивилизованными государствами, обеспечивает согласование и взаимный учет их национальных интересов. В практическом смысле эта формула Мартенса означала: «Ни идея разобщенности, ни идея преклонения перед физической силой, ни идея политического равновесия, ни, наконец, принцип национальности не могут быть признаны руководящими началами правильно устроенной международной жизни. Ее руководящее начало – идея права» [Мартенс 1895:9, 29]. Две гаагские конференции, по выражению Мартенса, стали первыми и последними звеньями «цепи международных попыток, предпринятых... Россией для установления в международных отношениях более правильного и разумного порядка» [Мартенс 1900:24]. Жизнестойкость и интеллектуальная неуязвимость правовой мысли русской школы Ф.Ф. Мартенса во многом предопределяли до американских попыток перестроить мировой правопорядок второй половины XX и начала XXI в. современную материальную и академическую функцию международного права в регулировании «пределов свободы действий каждого государства» и поиск «общей почвы для развития различных интересов государств» [Мартенс 1879:33]. Результаты Первой Гаагской конференции отражали существо гуманитарной доктрины Мартенса, исходившей из убеждения, что именно «на этой силе соединения

и примирения противоположных интересов зиждется вся европейская цивилизация. В этой идее взаимной духовной зависимости и в этом познании недостижимости своих индивидуальных сил заключается залог развития цивилизованных европейских народов» [Мартенс 1881:236].

В центре внимания участников Первой Гаагской мирной конференции, равно как и Второй, стояли проблемы утверждения верховенства права в межгосударственных отношениях как основания мирового правопорядка и всеобщей безопасности. Предлагавшаяся Мартенсом теория международного общения, утверждавшая примат права, рассматривалась как условие миропорядка. Сущность данной теории представляет собой одну из мартенсовских *elegantia juris* (юридических тонкостей) и заключается в следующем: «В основу научной системы современного международного права должна быть положена идея международного общения, согласно которой каждое самостоятельное государство есть органическая часть единого целого, связанная с другими государствами общностью интересов и прав» [Мартенс 1895:178]. Имплементация доктрины международного общения, как полагал Мартенс, должна определяться системой юридических норм, которая и составит право международного общения, а «это и есть международное право». В основе его правотворческого метода лежало убеждение, что действующее право, а не декларируемое и тем более не формалистическое или отвлеченно схоластическое создается реальными условиями международной политики и обстоятельствами дипломатической практики. Неизменной должна оставаться приверженность международным законам, не подменяемым современными маргинальными симулякрами, порожденными международно-правовыми подходами стран трансатлантического сообщества. В российской позиции сохраняется понимание, что «каждый международный закон имеет настолько разумное основание и право на существование, насколько соответствует действительным, разумным жизненным отношениям между народами» [Мартенс 1895:17].

¹ Перевод Ю.А. Шичалина (1988 г.).

Непреодолимое значение сохраняют правовые представления Мартенса о природе вмешательства во внутренние дела современных государств. Признавая любое иностранное вмешательство «всегда незаконным», он доказывал с юридической и политической точки зрения неправомерность «любого повода» для внешнего вмешательства, тем более с целью изменения политического строя. В решении о нападении США на Ирак в 2003 г. проявился, как представляется, их возврат к «версальской» доктрине президента Вильсона: мир строится не через международные отношения, а через внутреннюю трансформацию в той или иной стране. Позднее вильсоновская доктрина была расширена, получив неоконсервативное дополнение в связи с опытом «холодной войны». Отныне «необходимые трансформации» могли быть достигнуты американской мощью, не связанной международными ограничителями², в первую очередь, разумеется, правовыми. По некоторым экспертным оценкам, реализация *jus gladii* («права меча») в американской гегемонии отражает конституционалистскую теорию Карла Шмитта, адаптированную к международному контексту: единственная супердержава является всемирным полицейским, который не связан никакими правовыми нормами, навязываемыми ему извне [Kagan 2002]. От нее зависят «закон и порядок» в мире. Остальные страны или пребывают в «защищенном раю» (Европа), или погрязли в «анархии беззакония», но стремятся к порядку, устанавливаемому супердержавой (третий мир) [Kagan 2002]. Нельзя не обратить внимания на уже привычную известную недооценку правовых начал в целом и критическое отношение к верховенству права в частности со стороны отдельных школ политологического сообщества, усматривающих в «слабости» верховенства права в международных отношениях следствие отсутствия «единого правового пространства» современных государств³. Подобные рассуждения о пространстве «унификации» всего многообразия правовых систем субъектов международного права могли бы, вероятно, считаться одной из правовых утопий или политологическим заблуждением [Троекуров 2006:29]. Неприемлемо в правовом смысле и суждение, прозвучавшее на недавних «Примаковских чтениях», о том, что

«если Россия нарушила каким-то образом международное право, то она нарушила монополию Запада на нарушения международного права»⁴.

В подтверждение исторического отсутствия в отечественной правовой доктрине «института вмешательства», в отличие от американского внешнего «антиправового иммунитета», другой выдающийся автор юридической аналитики граф Камаровский обращал внимание на то, что «чаще всего интервенции рождаются, конечно, от произвола интервенирующего. Прихоти властолюбия и жажда завоевания прикрываются личинойю необходимости и права» [Камаровский 1874:105–106]. Подчеркивается, что «не взаимное самоуничтожение, а гармоническое содействие и общение между государствами – вот цель международного права и настоящее оправдание начала невмешательства» [Камаровский 1874:107]. Основатель русской аналитической школы М.Н. Капустин в очерке «Право вмешательства, ограничивающее независимость государства» указывал: «...вообще союз международный стремится сделать вмешательство актом общеевропейским и отнять право его у отдельного государства» [Капустин 1856].

Принципиальное отношение к трансатлантическому силовому вмешательству в бывшей Югославии, попыткам переворота в суверенной Венесуэле, порождению и консервации украинского кризиса и его губительных последствий для Европы определяется концепцией Мартенса о признании «беззаконными» оснований и поводов для вмешательства с целью изменения государственного строя (политического режима), причем эта теория отказывает во вмешательстве во внутренние дела «даже международному праву». Рассматривая мартенсовскую позицию «неотступного противодействия» терроризму и экстремистскому насилию как одну из тем в политико-юридической публицистике Мартенса, необходимо помнить, что, именуя противоправительственных пропагандистов (в русском судебном лексиконе того времени – «внушителей») террора «динамитниками», не заслуживающими снисхождения преступниками и выступая за их предание (и выдачу в случае бегства за границу) российскому правосудию за противоправные потрясения и «майдамы», выдающийся юрист и гуманист никогда не был сторонником смертной казни.

² *Financial Times*. 2003. 24 Dec.

³ *Международные отношения: Учебник*. Под ред. А.П. Цыганкова. М.: Новая школа. 1996. С. 214.

⁴ «Примаковские чтения – 2019»: Выступления и комментарии. URL: <https://gorchakovfund.ru/news/view/primakovskie-cheniya-2019-vystupleniya-i-kommentarii/> (дата обращения: 07.04.2019).

Во времена зарождения и непредсказуемого развития в Европе национально-автономных и сепаратистских движений специалисты по международному праву уровня Мартенса предвидели возникновение опасных, националистических, племенных побочных «злокачественных» явлений, в том числе дискриминации по национальному признаку, а также их последствия для единства и целостности цивилизованных государств. С учетом противоречивого опыта построения национальных государств в XX–XXI столетиях, например случая с «косовской независимостью», вполне актуальной оказывается мысль Мартенса о том, что «принцип национальности... ничего прочного не создает, но разрушить он в состоянии очень многое» [Мартенс 1895:151].

Существующая нормотворческая практика как условие дипломатической эффективности подтверждает, что «Современное международное право цивилизованных народов» Мартенса в качестве кодекса норм поведения государств остается в своей основной части действующим правом, обеспечивающим функциональные стороны мирового правопорядка. Отдельные западные ученые признают его современное воздействие, давая оценку ответственности государств за обеспечение соблюдения международного гуманитарного права, в том числе применительно к «роли руководства для государственных вооруженных сил» [Флек 2018:172]. Обновленное Руководство по международному гуманитарному праву для вооруженных сил Германии, подготовленное с учетом замечаний российских коллег о задачах юридических советников в вооруженных силах, стало инструментом правового обучения и подготовки бундесвера, основой для поддержания дисциплины при ведении военных операций [Флек 2018]. Очевидно, произошли радикальные изменения с «конвенциональных» времен Мартенса, когда историческая «германская традиция» состояла в прусском неприятии гуманизма «на войне». Сборник прусского Генштаба «Военный обычай в сухопутной войне» отрицал правовой характер норм, регулирующих применение военной силы [Гессен 1915:485]. Конвенционные нормы права войны в гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг., по квалификации берлинских юристов и генштабистов тех лет, обязательной силы не имели и могли рассматриваться лишь как «нравственные признаки» [Воронин 2018:155].

Русская правовая школа всегда определялась приверженностью принципам международной

законности и верховенства права как основе внешней политики цивилизованных государств, непризнанием силы в качестве основного средства разрешения межгосударственных споров и предотвращения европейских столкновений. Профессиональные задачи и академическое учение Мартенса отражали неразрывное, естественное единство права и дипломатии, построенное на трех основаниях: действенном международном праве, миротворческой дипломатии и доказательной публицистике. Правоприменительные идеи мартенсовской школы восходили корнями к старому внешнеполитическому принципу тысячетней русской дипломатии, звучащему для всех цивилизованных наций как *non solum armis* (не только оружием). Идеи русских мыслителей о внешней политике базировались на понимании того, что всякое международное явление должно рассматриваться в двух аналитических ипостасях: как дипломатический объект и в качестве юридического казуса. Здесь невозможен хладный подход, «неудобоприятельный» сугубый прагматизм, из которого выросли пресловутая, тотальная ныне *Realpolitik* и навязываемые неправовые амбиции последнего времени в виде произвольных правил нового порядка, заменяющих юридически обязывающие договорные основания цивилизованного универсального правопорядка.

Несмотря на то что большинство государств рассматривало установление международного правопорядка на основе примата права в качестве одной из целей своей внешней политики, на протяжении всего периода современной правовой цивилизации, со времен Первой Гаагской конференции мира вплоть до последних лет, концепция международно-правового верховенства оставалась *ipso facto* некодифицированной. Продолжает существовать точка зрения, что верховенство права вообще не может стать концепцией с определенным юридическим статусом, поскольку представляет собой «не более чем общее понимание» желательности придерживаться такого принципа, хотя неопределенность его содержания вовсе не преуменьшает силу правового подхода [Watts 1993:15]. В некоторых исследованиях данной проблемы обращалось внимание на то, что в числе не признававших вначале примат международного права была и идеологизированная советская правовая доктрина, ориентированная на доктрину трансформации [Троекуров 2006:6]. В духе того времени якобы были утверждения о том, что примат права есть не более чем «буржу-

азный подход», которому противостоит концепция трансформации [Курс международного права 1989:272]. Вместе с тем творческим развитием теории международного общения Мартенса явилась идея международной стратегии утверждения примата права в современных отношениях государств, выдвинутая нашей страной на 43-й сессии ГА ООН в 1988 г. и оформленная в ходе 44-й сессии Генеральной Ассамблеи в виде Меморандума о повышении роли международного права, приоритете права в политике, универсальном применении общепризнанных правовых принципов и недопустимости их обхода независимо от причин и мотивов⁵.

Трансатлантический ревизионизм немало преуспел в отказе от цивилизационных и правовых мартенсовских оснований существующего миропорядка в пользу англосаксонских «модельных» факторов. Деконструкция современной международной системы, предпринимавшаяся президентскими администрациями США, особенно последней, презирующей профессиональную дипломатию и ее персонал, преследовала целью размыть переговорные механизмы и окончательно дискредитировать принцип верховенства права в межгосударственных отношениях. К подобным безблагодатным действиям, наверное, относятся слова, принадлежащие апостолу Павлу, что «когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба» (1 Фес. 5:3). «Судьбой на марше» можно обозначить ныне неопределенность и неустойчивость цивилизованного взаимодействия государств, суть которого аббат Г. де Мабли первым определил как «соединение дипломатии и права» в работе *Des Principes des négociations pour servir d'introduction au droit public de l'Europe, fondé sur les traités* [Œuvres complètes... 1789:1–21, 207–215]. Оценивая происходящее, Уильям Дж. Бёрнс, один, как считают, из американских дипломатов *par excellence*, писал об «утраченном искусстве американской дипломатии» и представлял хронологию «пренебрежения ею и непрофессионализма», которые явились не чисто трамповской затеей, но «эпизодическим свойством» международного подхода США со времен их окончательного «триумфа» в «холодной войне» [Burns 2019]. «Самопроизвольные», очевидно профессиональные суждения американского посла определяют международную политику США как «шоки-

рующее» превосходство более чем когда-либо «силы над дипломатией», которое вылилось в «грандиозную» ошибку – неоправданную войну в Ираке. Соединяющая грубую силу и стремление к замалчиванию отдельных фактов внешняя политика американских администраций, практикующих «принудительную дипломатию» без «оглядки» на существующие принципы и нормы международного права, действительно имеет результатом «долговременное принуждение и краткосрочную дипломатию». Бёрнс свидетельствует, что с самого начала администрация Трампа «навязывала Госдепартаменту свое тавро идеологического презрения и тупой некомпетентности» [Burns 2019]. Впрочем, выступая против придания Госдепартаменту несвойственных ему функций (таких как «противодействие насилию и экстремизму»), противоречащих «сути миссии дипломатии США», инсургенты видят ее профессиональное своеобразие в том, чтобы *to cajole, persuade, browbeat, threaten and nudge* (обхаживать, убеждать, запугивать, угрожать, подталкивать) другие правительства и политических лидеров проводить политику соответственно интересам США. Спровоцированная внутриамериканским противостоянием республиканцев и демократов, действовавших в стиле *Yankee Doodle*⁶, губительная для мировой дипломатии и международного права ситуация имела следствием дерзкое и суетное низвержение правовых устоев существующего миропорядка.

Внешняя доктрина Трампа преследует целью «разоружение» дипломатии, превращение ее в симулякр, представляя «дипломатическое искусство» как отжившую интригу из прошлого. Впрочем, как указывал в свое время сочинитель «переговорного процесса» аббат Габриэль Бонно де Мабли, и «за два века опыта мы не стали искуснее, и сегодня не стоит удивляться, что власть наших правителей препятствует развитию науки переговоров» [Œuvres complètes... 1789:15]. Дипломатия, ее переговорные механизмы и современные компетенции, действенность ее искусства немало зависят от задействования аналитического потенциала. Возглавлявший российскую делегацию посол барон Стааль на втором пленарном заседании Первой Гагской конференции мира 8 (20) мая 1899 г. отмечал: «Дипломатия перестала быть только искусством, где ловкость может играть исключительную

⁵ UN GA Memorandum: on Enhancing the Role of International Law. – UN Document A/44/585. October 2, 1989. P. 2.

⁶ Пер. с англ.: «Дух янки» – американская патриотическая песня.

роль: она стремится стать наукою, которая для решения международных столкновений должна руководствоваться постоянным правилом⁷. Позиция русского правительства на Конференции исходила из того, что «общая цель, к которой мы должны стремиться, – это предупреждение столкновений миролюбивыми средствами». Непогрешительно по прозрачности и сдержанности предупреждение николаевской дипломатии о неприемлемости радикальных, завышенных «разоруженческих» настроений «при исследованиях, которыми мы займемся», из-за которых Конференция способна «впасть в утопию». Данная прагматическая рекомендация оказалась необходимой (на русский взгляд, реальный результат Первой Гаагской конференции мира сводился к тому, что «достигнутое несовершенно, но практично⁸): «Должно принимать в соображение возможное и не стремиться к бессвязным отвлечениям⁹. Непреклонность линии Санкт-Петербурга на созыв первой конференции мира содействовала изменению особой позиции Вашингтона, заключавшейся вначале, по откровению американского госсекретаря Хейя, в «симпатии в пользу движения к миру», но «не к предложению России, которое не влияет на политику правительства США»¹⁰. Последующее изменение американского подхода в пользу участия в Первой Гаагской конференции мира произошло в условиях первой («колониальной») победы США над «державой Старого Света» – Испанией в войне 1898 г. Военные успехи, как отмечалось в комментариях русской печати, «опьянили янки и настроили на воинственный лад население, более 30-ти лет не бравшееся за оружие»¹¹ с завершения войн с коренными индейскими народами, уничтожения их цивилизации и захвата их территории; надо полагать, это оказало определяющее влияние на формирование существа и принципов внешней политики США, дипломатии с сильным «милитаризованным» потенциалом и бесцеремонной договорно-правовой практики. «Предзадатки» такой «непереговорной дипломатии» коренятся в территориальной рейдерской активности официальных властей и пионеров колониального освоения территорий коренного населения, его изгнания и депортаций. С 1776 по 1900 гг. англосаксы отняли у индейцев почти

600 млн га их территории, что едва ли не в 25 раз превышало площадь Британского королевства – страны происхождения и исхода колонизаторов. Территориальные захваты американскими властями и пуританами-интервентами формально легализовывались множеством сомнительных «юридических» актов, невзирая на «гарантии Вашингтона»; с 1776 по 1868 гг. (за 91 год) с коренными жителями Северо-Американского континента было подписано 368 неравноправных и насильственных «договоров», на которые не распространялся принцип их исполнения – *pacta sunt servanda*. «Секрет» успехов американской дипломатии основывался на том, что индейцы не знали землевладения, «права на землю» и не имели опыта европейских договорных отношений.

Практика заключения Соединенными Штатами колониальных «договоров» с индейскими народами оказала решающее воздействие на формирование американского права, его норм, признающих лишь «уступки переговорного партнера» и предполагающих его «поражение» в качестве противника. Непревзойденными с точки зрения уничтожения мировой договорной практики остаются подписанный «цивилизованным» Вашингтоном через подкуп с народом чокто Договор ручья Танцующего Кролика (27 сентября 1830 г.), по которому он уступал правительству США свои территории и подлежал депортации из Миссисипи в Оклахому с резервациями «племенной юрисдикции», и Договор Форта Ларамии с индейцами лакота (1868 г.), которым обещалось вернуть «все заброшенные и неиспользуемые земли и территории». Интервенционистское содержание, противоречащее принципам и нормам международного права, определяло договорную практику США в «территориальных» отношениях и с латиноамериканскими партнерами – субъектами международного права (Мексика, Панама), в котором, как свидетельствует признанный мэтр правовой науки Г. Кельзен, «главенствует принцип коллективной ответственности за невиновное поведение, а не принцип индивидуальной ответственности за вину» [Кельзен 2015:220]. Особенностью начального формирования «цивилизованной» внешней политики Соединенных Штатов было доминирование в ней «легалистских подходов», выросших из права. Но

⁷ Новое время. 1899. 16 (28) мая.

⁸ Биржевые ведомости. 1899. 23 июля (4 авг.).

⁹ Новое время. 1899. 16 (28) мая.

¹⁰ Биржевые ведомости. 1899. 22 авг. (3 сент.).

¹¹ Новое время. 1899. 25 авг. (6 сент.).

вскоре «международное право стало рассматриваться в лучшем случае как неизбежное зло, а в худшем – как безвыходный «тупик» (*blind alley*)» [Barber 2008:70]. Для Г. Моргентау, главы школы политического реализма, международное право не содержит «специальной обязательности» (*no specific obligation*); если «национальный интерес требует действия вопреки принятым правилам международного права, то единственной обязанностью государств являются действия в их собственных интересах» [Barber 2008:73]. Данный «классический» реализм и американские прагматические теории подвели к «отрицанию самого понятия международного права» (*the notion of international law entirely*). Дж. Кеннан, *smart diplomat*, известен «уничтожающей» критикой легалистско-моралистского подхода к международным делам. Ему, московскому экс-послу *non grata*, «сама идея права (особенно Устав ООН), которая могла бы быть использована для подавления хаотических и опасных вождедений правительств в международной сфере, казалась надуманной» [Barber 2008:73].

Современная внешняя «антиправовая» политика администрации Трампа – это прежде всего борьба США с чужими суверенитетами ради собственной гегемонии с ее *plebejum sapere* (плебейским привкусом) по всему миру, финансово-технологическое подавление иных цивилизационных порядков, не отвечающих своим духом и содержанием американскому стандарту. Отвергнуто цивилизованное общепринятое понимание, что «международное право обязывает и управомочивает государство» [Кельзен 2015:221]. Очевидна сосредоточенность Вашингтонской администрации на попытках свести все договорно-правовое многообразие существующего миропорядка к произвольной замене универсальных принципов и норм международного права на «медииократические» правила, формулируемые ведущей державой трансатлантического «Вавилона» и основанные на «новых правовых порядках», на англосаксонской «остинианской» школе, выступающей против связи права с моралью. Генри Киссинджер, анализируя состояние и место в мировом порядке системы «американского консенсуса», основанного на «правилах», а не международно-правовых принципах и нормах, вынужден признать, что «частые увещевания, обращенные к прочим странам... играть «по правилам двадцать первого столетия»... показывают, что не существует общего для всех представления об этой системе...», т.е. о нынешних

«правилах» [Киссинджер 2015:10]. Профессионально невнятные, лишённые смысловой ясности мнимые «правила» упоминаются в старом русском дипломатическом лексиконе как «бесвязные отвлечения».

Очевидно, что о равноправии признающих «новые правила» и участвующих в «американском консенсусе» речи нет; его механизм представляется, скорее, как *faking collaborators*, т.е. имитация взаимодействующих объектов. В неотменяемых рамках американского военно-политического превосходства и англосаксонского правового порядка получается, по Кельзену, что «идея примата правового порядка отдельного государства означает не только отрицание суверенитета всех других государств (и тем самым, с точки зрения догмы суверенитета, отрицание их юридического существования в качестве государств), но и отрицание международного права» [Кельзен 2015:230].

Существенная сторона приведенного критического «разбора» состояния американской дипслужбы, ее функциональных задач и «жестких» прагматических, *hard-nosed* (беспощадных!) методов противодействия правовому началу в их реализации и соблюдению принципов и норм международного права подтверждает не только международно-правовую недееспособность США в реалиях сегодняшнего дня, но и жизнеспособность учения Мартенса, «предлагавшего подняться выше поверхности повседневного факта международной жизни, но рекомендовавшего полет близко от ее поверхности» [Нольде 1909]. Поиск «средств для возможного предотвращения войны» и гуманитарных мер по «смягчению бедствий ее в случаях, где бы она оказалась неизбежной» был основной задачей на Гаагской конференции 1899 г., инициированной главным образом русским правительством и составившей содержание российской международно-правовой доктрины.

Преемственные позиции страны в утверждении ее национальных интересов и обосновании международного правопорядка не имеют различий с оценками и рекомендациями из Секретной инструкции Уполномоченному от России на мирной конференции в Гааге послу Е.Е. Стаалу 23 (5 мая) 1899 г.: «Великая будущность предстоит России... Ее экономические и духовные силы все более и более развиваются... Много сделано, но еще большее остается совершить. Для сего необходимы и материальные средства, и прежде всего мир, в особенности в Европе. Поэтому всякое

сбережение военного бюджета есть важное приобретение, и каждый год мира есть новая победа России»¹². Россия продолжает миссию носителя и нормотворческого поборника верховенства международного права в мировом сообществе,

следуя реальной приверженности правовым принципам и нормам в межгосударственных отношениях. Известный феномен ожиданий от международного права сохраняется.

Список литературы

1. Воронин Е.Р. 2018. *Европейская идея как цивилизационный проект верховенства права*. М.: МГИМО-Университет. 849 с.
2. Гессен В.М. 1915. Война и право. – *Вопросы мировой войны: сборник статей*. Под ред. М.И. Туган-Барановского. Петроград: Изд-во юридического книжного склада «Право». С. 484–506.
3. Камаровский Л. 1874. *Начало невмешательства. Рассуждение*. М.: Университетская типография (Катков и Ко). 300 с.
4. Капустин М.Н. 1856. *Обозрение предметов международного права*. Вып. 2: II–VI. М.: Университетская типография (Катков и Ко). 368 с.
5. Кельзен Г. 2015. *Чистое учение о праве. Справедливость и естественное право*. СПб.: Изд. Дом «Алеф-пресс». 704 с.
6. Киссинджер Г. 2015. *Мировой порядок*. М.: Издательство АСТ. 544 с.
7. *Курс международного права: в 7 т. Т. 1: Понятие, предмет и система международного права*. Отв. ред. Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин. 1989. М.: Наука. 360 с.
8. Мартенс Ф.Ф. 1895. *Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1*. 3-е изд. СПб.: Тип. А. Бенке. 430 с.
9. Мартенс Ф.Ф. 1879. *Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 гг.* СПб.: Тип. А. Бенке. 596 с.
10. Мартенс Ф.Ф. 1881. Россия и литературное сообщество западноевропейских народов. – *Вестник Европы*. Т. 2. СПб. С. 235–261.
11. Мартенс Ф.Ф. 1900. Гагская конференция мира. Культурно-исторический очерк. – *Вестник Европы*. Т. 2. СПб. С. 5–28.
12. Нольде Б.Э. 1909. Некролог на смерть Мартенса Ф.Ф. – *Русская мысль*.
13. Троекуров Н.Е. 2006. *Верховенство права в современных международных отношениях*. М.: Научная книга. 88 с.
14. Флек Д. 2018. Ответственность государств за обеспечение соблюдения международного гуманитарного права: роль руководств для государственных вооруженных сил. – *Российский ежегодник международного права, 2017. Специальный выпуск*. СПб.: СКФ «Россия-Нева». С. 171–190.
15. Barber G. 2008. *International Law and International Relations for XXI century*. London, New York: Continuum. 210 p.
16. Burns W.J. 2019. The Lost Art of American Diplomacy. Can the State Department Be Saved? – *Foreign Affairs*. Vol. 98. No. 3. P. 98–107.

17. Kagan R. 2002. Power and Weakness. – *Policy Review*. No. 113. P. 3–28.
18. *Cœuvres complètes de l'Abbé de Mably. Tome Cinquième*. 1789. Londres. 580 p.
19. Watts A. 1993. The International Rule of Law. – *German Yearbook of International Law*. Vol. 36. P. 15–45.

References

1. Barber G. *International Law and International Relations for XXI century*. London, New York: Continuum. 2008. 210 p.
2. Burns W.J. The Lost Art of American Diplomacy. Can the State Department Be Saved? – *Foreign Affairs*. 2019. Vol. 98. No. 3. P. 98–107.
3. Gessen V.M. Voyna i pravo [War and Law]. – *Voprosy mirovoi voiny: sbornik statei*. Pod red. M.I. Tugan-Baranovskogo [World War Questions: a collection of articles. Ed. by M.I. Tugan-Baranovskii]. Petrograd: Izd-vo yuridicheskogo knizhnogo sklada "Pravo". 1915. P. 484–506. (In Russ.)
4. Fleck D. Otvetstvennost' gosudarstv za obespecheniye soblyudeniya mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava: rol' rukodvodstv dlya gosudarstvennykh vooruzhennykh sil [The Responsibility of States to Ensure Compliance with International Humanitarian Law: the role of national manuals]. – *Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 2017. Spetsial'nyi vypusk* [Russian Yearbook of International Law, 2017. Special Issue]. Saint-Petersburg: SKF "Rossiya-Neva". 2018. P. 171–190. (In Russ.)
5. Kagan R. Power and Weakness. – *Policy Review*. 2002. No. 113. P. 3–28.
6. Kamarovskii L. *Nachalo nevmeshatel'stva. Rassuzhdenie* [The Beginning of Non-intervention. Some Reflections]. Moscow: Univesitetskaya tipografiya (Katkov i K°) Publ. 1874. 300 p. (In Russ.)
7. Kapustin M.N. *Obozreniye predmetov mezhdunarodnogo prava*. Vyp. 2: II–VI [Review of Subjects of International Law. Issue 2: II–VI]. Moscow: Univesitetskaya tipografiya (Katkov i K°) Publ. 1856. 368 p. (In Russ.)
8. Kelsen H. *Chistoe uchenie o prave. Spravedlivost' i estestvennoe pravo* [Pure Theory of Law. Justice and Natural Law]. Saint Petersburg: Izd. Dom "Alef-press" Publ. 2015. 704 p. (In Russ.)
9. Kissinger H. World Order (Russ. ed.: Kissinger H. *Mirovoi poryadok*. Moscow: Izdatel'stvo AST Publ. 2015. 554 p.).
10. *Kurs mezhdunarodnogo prava v 7 tomakh. T. 1: Ponyatie, predmet i sistema mezhdunarodnogo prava*. Otv. red.

¹² Новое время. 1899. 16 (28) мая.

- R.A. Myullerson, G.I. Tunkin [The Course of International Law in 7 volumes. Vol. 1: The Concept, Subject and System of International Law. Ed. by R.A. Myullerson, G.I. Tunkin]. Moscow: Nauka Publ. 1989. 360 p. (In Russ.)
11. Martens F.F. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov. T. 1.* 3-e izd. [Modern International Law of Civilized Nations. Vol. 1. 3rd ed.]. Saint Petersburg: Tip. A. Benke Publ. 1896. 430 p. (In Russ.)
 12. Martens F.F. Gaagskaya konferentsiya mira. Kul'turno-istoricheskii ocherk [Hague Peace Conference. Cultural and Historical Essay]. – *Vestnik Evropy. T. 2* [Bulletin of Europe. Vol. 2]. Saint Petersburg. 1990. P. 5–28. (In Russ.)
 13. Martens F.F. Rossiya i literaturnoe soobshchestvo zapadnoevropeiskikh narodov [Russia and the Literary Community of Western European Nations]. – *Vestnik Evropy. T. 2* [Bulletin of Europe. Vol. 2]. Saint Petersburg. 1881. P. 235–261. (In Russ.)
 14. Martens F.F. *Vostochnaya voina i Bryussel'skaya konferentsiya. 1874–1878 gg.* [The Eastern War and the Brussels Conference. 1874–1878]. Saint Petersburg: Tip. A. Benke Publ. 1879. 596 p. (In Russ.)
 15. Nolde B.E. Nekrolog na smert' Martensa F.F. [Obituary on the Death of Martens F.F.]. – *Russkaya mysl'*. 1909. Issue 12. P.151-154. (In Russ.)
 16. *Œuvres complètes de l'Abbé de Mably. Tome Cinquième.* Londres. 1789. 580 p.
 17. Troekurov N.E. *Verkhovenstvo prava v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [The Rule of Law in Contemporary International Relations]. Moscow: "Nauchnaya kniga" Publ. 2006. 88 p. (In Russ.)
 18. Voronin E.R. *Evropeiskaya ideya kak tsivilizatsionnyi projekt verkhovenstva prava* [The European Idea as a Civilizational Project of the Rule of Law]. Moscow: MGIMO-Universitet Publ. 2018. 849 p. (In Russ.)
 19. Watts A. The International Rule of Law. – *German Yearbook of International Law*. 1993. Vol. 36. P. 15–45.

Информация об авторе

Евгений Ростиславович Воронин,

чрезвычайный и полномочный посол в отставке, кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

tverv@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-1229-0012

About the Author

Evgeny R. Voronin,

Retired Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Cand. Sci. (Law), Professor at the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

tverv@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-1229-0012